ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 130.122:8

DOI: 10.17223/1998863X/43/8

М.А. Корниенко

ЛИНГВОФИЛОСОФИЯ НОАМА ХОМСКОГО: ОТ КАРТЕЗИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ К ГЕНЕРАТИВНОЙ ГРАММАТИКЕ

Анализируется вклад теории порождающей грамматики Н. Хомского в лингвофилософское знание XX в., обозначенный как «хомскианская революция» («вторая когнитивная революция», особенностью которой стало исследование языка посредством формальных моделей, отражающих фундаментальные параметры языка) и связанный с теорией иннативизма. Раскрыта категориальная структура теории Н. Хомского. Показано, что главное, придавшее вкладу Н. Хомского статус революционного, заключено в новой постановке проблем и использовании в их решении потенциала метода формализации.

Ключевые слова: теория порождающей грамматики, динамическое правило порождения, языковая компетенция, глубинная структура, поверхностная структура, рекурсия, иннативизм.

В 1957 г. вышла в свет первая книга профессора Массачусетского технологического института Ноама Хомского «Синтаксические структуры» [1], обогатившая лингвофилософское знание XX столетия и положившая начало феномену, названному хомскианской революцией. Подобную оценку вклада Н. Хомского в процесс создания теории «иннативизма» давали многие из тех, кто занимался проблематикой лингвофилософии, например, так оценивает идеи Н. Хомского Ж. Сёрль. Он полагает, что явление хомскианской революции подобно революции, совершенной ранее Ф. де Соссюром. Действительно, открытие Н. Хомского стало началом новой эпохи в лингвофилософии. Автор идеи порождающей грамматики, отойдя от дескриптивизма, обратился к прошлому лингвистики – работам В. фон Гумбольдта, грамматистам Пор-Рояля, идеям Р. Декарта. Новая эпоха, связанная с генеративной лингвистикой, обнаружила утрату интереса к идеям бихевиоризма, решительный отход от структуралистской парадигмы к парадигме генеративистской – этот переход и получил название «хомскианская революция». Свершившаяся революция получила и иное название – «вторая когнитивная революция». Характерной особенностью ее стало исследование языка посредством создаваемых формальных моделей. Эти модели отражали фундаментальные параметры, характеризующие язык. Языковая способность получила возможность быть изученной посредством определенной системы правил, базирующейся на представлении о мозге, имеющем программу получения неограниченного количества предложений из ограниченного числа слов. Н. Хомским были предложены идеи «ментальной грамматики» и «грамматики универсальной».

Усваивая грамматику, полагал он, человек усваивает не порядок слов, но порядок следования частей речи. Предложение ориентировано на всеобъемлющую схему, общую для грамматик всех языков.

В обозначенной выше работе «Синтаксические структуры», как и во множестве других («Картезианская лингвистика», «Проблема знания и свободы», «Логические основы лингвистической теории», «Аспекты теории синтаксиса», «Правила репрезентации», «Знание и язык», «Язык и мышление», «Минималистская программа», «О природе и языке»), Н. Хомским была интерпретирована модель языка, получившая название генеративной грамматики (порождающей, генеративной, трансформационной грамматики). Эта модель позволила трансформировать базис традиционалистской структурной лингвистики, и в этом смысле открытие Н. Хомского было революционным по своему замыслу и масштабу.

Сам Н. Хомский уже в работе «Язык и мышление» заявил о том, что в основание его «теории иннативизма» положены классические теории – грамматика и логика Пор-Рояля и теория языка В. фон Гумбольдта. Рассматривая язык как соотношение звука и значения, Н. Хомский предлагает логику следования за теорией Пор-Рояля, когда пишет о грамматике языка как содержащей систему правил, характеризующей не только глубинные и поверхностные структуры, но и то трансформационное отношение, что существует между глубинными и поверхностными структурами. Эта логика должна быть выдержана, если грамматика «нацелена на то, чтобы охватить творческий аспект – применимую к бесконечной совокупности пар глубинных и поверхностных структур» [2. С. 28]. Этот вывод о значимости идей В. фон Гумбольдта для создания выдержанной в духе генеративизма языковой модели Н. Хомский делает, исходя из тезиса В. фон Гумбольдта: «...говорящий использует бесконечным образом конечные средства. Его грамматика должна содержать конечную систему правил, которая порождает бесконечно много глубинных и поверхностных структур, связанных друг с другом соответствующим образом» [Там же].

Н. Хомский сформулировал ряд классических, фундаментальных вопросов, посредством которых была расширена сфера исследовательских представлений о способности освоения языка человеком, как и о пользовании языком. В работе «Язык и проблема знания» Н. Хомский облекает эти вопросы в следующую форму:

- Что такое система знаний – для говорящего, скажем, на таких языках, как японский, английский, испанский, и как формируется обозначенная система в сознании говорящего?
- Какими являются способы и формы использования знания в речи?
- В чем специфика тех механизмов, которые являются базисным основанием как для системы знаний, так и для использования этих знаний?

Н. Хомский сумел взглянуть на эти вопросы как на фундаментальные в своей природе и сути, именно эти вопросы со времен Платона являли собой средоточие «философских и лингвистических штудий, направленных на изучение системы знаний, репрезентируемых в сознании, в конечном счете в мозгу в виде какой-то физической конфигурации» [3. Р. 3]. И то главное, что придало лингво-философскому вкладу Н. Хомского статус вклада революционного, заключено в принципиально новой постановке

проблем и использовании в решении этих проблем потенциала метода формализации.

Какими были эти проблемы? В исследовательском диапазоне могут быть названы такие новые для науки проблемы, как проблема отношения мозга и тела, проблема природы языковых инстинктов, проблема соотношения семантики и когнитивистики, как и многое другое. Воодушевление, рожденное интеллектуальным стимулом огромной силы, было всеобщим, именно его результатом стали работы С. Пинкера, Дж. Эйчисона, Р. Джэкендоффа, Т. Дикона, М. Джонсона, Дж. Лакоффа, Р. Лакоффа, Р. Лиза, П. Постала, Дж.Р. Росса, П. Сойрена, С. Бейкера, П. Куликовера.

Помимо этого, как полагает З.А. Харитончик [4], можно говорить и об отказе от бихевиоризма и о трансформации ориентиров исследовательского интереса в сторону когнитивных свойств языка. З.А. Харитончик пишет о разрушительной критике бихевиоризма, даваемой Н. Хомским в рецензии к работе Б.Ф. Скиннера 1957 г. «Verbal Behaviour». С позиций бихевиоризма Б.Ф. Skinner интерпретировал вербальное поведение человека, исходя из представлений о стимуле и реакции. Если в основании позиции гарвардского психолога лежит представление о порождении речи как о ряде последовательных реакций и в этом ряду очевиден и неизбежен контроль внешних стимулов, то позиция Н. Хомского заключена в диаметрально противоположном: человек, владеющий языком, воспринимает непрерывно порождаемую речь в силу того, что эта речь порождена индивидуальной внутренней грамматикой, усвоенной каждым из нас.

«Язык, – писал Н. Хомский, – представляет собой набор формализованных описаний предложений, из которых как частности вытекают звуковая сторона и значение языковых единиц» [5]. Физически языковая система отождествлена с правилами грамматики: в работе «Репрезентация формы и функции», вышедшей в 1981 г. в «Лингвистическом обозрении», Н. Хомский отмечает существенный сдвиг, произошедший в сфере лингвистического анализа; это сдвиг, суть которого в смещении исследовательского акцента с языка на грамматику, что и совпало с возникновением идей генеративной грамматики. В основании языка, по мнению Н. Хомского, – совокупность универсалий, грамматика выступает как носитель этих языковых универсалий. «Универсальная грамматика» представляет собой базис функционирования языка. «Универсальная грамматика» по природе своей врожденное образование, врожденными являются и лежащие в основании языка синтаксические конструкции. В работе «Осмысление языка» Н. Хомский дает определение «универсальной грамматики» как системы принципов, присущих человеческому языку. Это обязательные принципы. Н. Хомский говорит о детерминизме биологическом. Универсальная грамматика объявлена сутью языка и инвариантна для всех. Любой язык отличен от другого лишь действием случайных факторов.

В «Современных проблемах лингвистической теории» («Current Issues in Linguistic Theory») автор «порождающей грамматики» писал об основании любой означающей лингвистики: «Основной факт, на котором должна основываться любая означающая лингвистика, состоит в следующем: говорящий может в своей речи построить новую, уместную в данный момент, фразу, а другие (слушатели) могут ее непосредственно понять, хотя для них

она в равной мере является новой. Значительная часть нашего лингвистического опыта, выступаем ли мы в качестве говорящих или в качестве слушающих субъектов, содержит в себе новые фразы; после того как мы овладели языком, количество фраз, которые мы можем, не задумываясь, употреблять свободно и непринужденно, столь велико, что мы могли бы считать его бесконечным во всех отношениях... Нормальное овладение языком означает не только способность непосредственно понимать бесконечное число абсолютно новых фраз, но и способность опознавать неправильно построенные фразы и в случае необходимости давать им истолкование... Очевидно, что теория языка, отрицающая этот «творческий» аспект, имеет лишь ограниченный характер» [6. С. 148–149].

Н. Хомский пишет о необходимости нового понимания структуры, и это новое понимание структуры следует принимать во внимание в грамматике языка. Автор пишет о грамматике в «Современных проблемах лингвистической теории» как о подходе, с помощью которого устанавливается бесконечная серия оформленных фраз. Грамматика дает каждой из этих фраз одно или несколько структурных описаний. Прежнее структурное описание ориентировано на заверченный блок. Посредством добавления к нему, посредством означивания это прежнее структурное описание позволяет реализовать то, что П. Рикёр в «Конфликте интерпретаций» называет динамическим правилом порождения. В одной из работ, в «Картезианской лингвистике» («Cartesian Linguistics»), Н. Хомский, символизируя новый поворот в лингвистике, новую фазу в развитии лингвистической теории, когда на смену «структурированной инвентаризации» (термин П. Рикёра) приходит динамическое понятие структурирующей деятельности, обращается к идеям картезианства, интерпретировавшего язык в терминах деятельности, порождения. Позднее П. Рикёр даст высокую оценку концептуальной схеме Н. Хомского, назвав концепцию автора порождающей грамматики концепцией структуры как упорядоченного динамизма, когда напишет о ситуации, в которой идеям Н. Хомского суждено было одержать верх в полемике с первым структурализмом, и в основание этой победы положена в том числе ассимиляция лингвистикой, представляемой Н. Хомским, идей раннего структурализма.

Теория порождающей грамматики, изложенная на страницах «Синтаксических структур», прошла этапы достаточно длительной эволюции. Отметим, что обозначенную работу Н. Хомского аналитики (в числе которых как безоговорочно принимающие идеи Н. Хомского, так и полагающие их заблуждением) относят к разряду величайших книг XX столетия. Последователей идей порождающей грамматики стали называть генеративистами (генеративистский метод отличен от структуралистского дескриптивизма в лингвистике, однако есть в них и общее, и это общее заключено в отыскании правил).

Этапы теории порождающей грамматики отражают эволюцию идей Н. Хомского, нашедшую выражение в его наиболее значимых работах. Мы назовем следующие из этих этапов:

- Этап стандартной теории (Standard Theory – 1957), ориентированной на «модель синтаксических структур» и представленную в «Аспектах теории синтаксиса» (1965) «модель аспектов».
- Этап расширенной стандартной теории (Extended Standard Theory – 1970), ориентированной на идеи, изложенные Н. Хомским в «Заметках о но-

минализации» (1970), когда ряд принятых до этого составляющих грамматики (фонетическая составляющая, трансформационная составляющая, синтаксис) был дополнен семантической составляющей.

- Этап теории параметров и принципов (The Government and Binding Theory). Суть исследовательского интереса изложена в Пизанских лекциях 1979 г. и позднее – в работе «Лекции об управлении и связывании» (1981); иное название теории связано с подходом, положенным в ее основание, – теория управления и связывания. В нее включены одна универсальная трансформация и ряд модулей.

- Этап исследовательской программы-стратегии (The Minimalist Program). Начало ему положено в 1990-е гг., суть стратегии изложена в монографии 1995 г. «Минималистская программа». Сам Н. Хомский писал, что речь идет не о новой теории, но лишь о новом исследовательском проекте, базовые компоненты (лексикон и вычислительная система) дополнены двумя интерфейсами (фонетическим и логическим).

- Этап теории неформленных фраз (Bare Phrase Structure (1994)).

- Этап теории пофазовой деривации (Derivation By Phase (2001)). Речь идет о производстве (деривации) высказываний, состоящем из ряда этапов: явное (overt) формирование из лексических единиц множества N первоначального синтаксического объекта, озвучивание фонетических свойств лексических единиц, в ходе которого обозначенные свойства интерпретируются сенсорно-моторным интерфейсом и отбрасываются (strip away), а далее следуют скрытые операции (covert), направленные на доработку логической формы; по завершении деривации она должна содержать лишь семантические свойства.

Перечисленные этапы эволюции теории порождающей грамматики отражают специфику тех версий этой теории, что сформировались к началу XXI в. Речь идет о доработке ряда положений порождающей грамматики, осуществленной как первооткрывателем, так и его последователями и оппонентами: С. Бейкером, П. Куликовым, Дж. Макколи, П. Сойреном, Дж. Лакоффом и Р. Лакоффом, Р. Джэкендоффом, Дж. Россом, П. Постолом, Р. Лизом, С. Пинкером, Дж. Эйчисоном, Т. Диконом, М. Халле. Генеративная лингвистика Н. Хомского сохранила свой статус в США и сегодня; в пространстве же континентальной философии исследовательские акценты смещены в сторону теории речевых актов и логической семантики. Парадоксально то, что некоторые из идей раннего генеративизма в большей степени были отвергнуты именно создателями генеративной грамматики, нежели теми, кто находился к ней в оппозиции начиная с выхода в свет «Синтаксических структур».

Разновидностью порождающей грамматики является теория морфологических систем (форм дискурса) Гюстава Гийома, показавшего, как в деятельности дискурса из слов возникает фраза; форма дискурса, помещая слово в контекст фразы, завершает, закрывает слово. Г. Гийом полагал, что включением слова в контекст фразы система форм создает возможность (для слов и дискурсов) быть соотнесенной с реальным миром. Им приведена в качестве примера роль существительного и глагола в системе языка, – это те категории дискурса, посредством использования которых знаки оказываются повернутыми к универсуму, к пространству и времени: «Преобразуя слово в имя су-

существительное и глагол, эти категории делают наши знаки способными овладевать реальностью и сохраняют за ними возможность образовывать конечную, замкнутую сферу, подотчетную семиологии» (цит. по: [6. С. 150]. П. Рикёром приводится уточняющее замечание, позволяющее объяснить фразу Г. Гийома «поворот знака к универсуму». Это объяснение у П. Рикёра основано на понимании роли синтаксиса в языке. Синтаксис, имея отношение к дискурсу, а не к языку, находится на траектории возвращения знака к реальности, поэтому имя существительное и глагол как формы дискурса «говорят о работе языка по пониманию реальности в ее пространственно-временном аспекте», – именно это названо Г. Гийомом поворотом знака к универсуму: «...знак – это то, что жаждет применения, чтобы выражать, постигать, понимать и в конечном счете обнаруживать, делать очевидным», поэтому «философия языка не должна ограничивать себя тем, что свойственно семиологии и ее возможностям; чтобы говорить об отсутствии знака в вещах, достаточно редукции природных отношений и их превращения в отношения означивания» [Там же. С. 151]. При этом редукция является оборотной стороной намерения сказать, – и важно то, что это намерение сказать с необходимостью естественного процесса ведет к намерению показать.

В концептуализации идеи иннативизма, ее доказательстве и аргументации Н. Хомским использован категориальный аппарат, суть которого изложена далее.

Проходит восемь лет после выхода в свет «Синтаксических структур», и в 1965 г. Н. Хомский публикует «Аспекты теории синтаксиса», а три года спустя – «Язык и мышление». Именно исследовательские проекты 1965 и 1968 гг. привнесли в лингвофилософию понятие «языковой компетенции». Отправным моментом при этом стали идеи В. фон Гумбольдта и лингвофилософская рационалистическая традиция, нашедшая отражение в трудах Р. Декарта и Ж. де Кордемуа, Дж. Хэрриса и Р. Кедворта, братьев Шлегелей. Излагая целостно представление о доминирующей специфике рационалистической интерпретации языка, Н. Хомский в «Аспектах теории синтаксиса» обращается к понятию «языковой компетенции» (competence), противопоставив его понятию «употребление» (performance). Это противопоставление подобно тому, как Ф. де Соссюр противопоставил «речь» и «язык». В понятии «языковая компетенция» Н. Хомский увидел возможность носителей языка не просто структурировать огромное число высказываний, но структурировать эти высказывания, опираясь на заданные «правила грамматики». Эти правила грамматики представляют собой универсальное грамматическое ядро, в самом же языке заключена возможность использования языковых компетенций в процессе говорения. Н. Хомский следующим образом интерпретирует в «Языке и мышлении» языковую компетенцию, называя ее определенной системой интеллектуальных способностей (языковых способностей), системой знаний и убеждений, развиваемой уже в детском возрасте и во взаимодействии с иными факторами, определяющей виды поведения. Н. Хомским определены и условия изучения этой системы: «...мы должны изолировать и изучать систему языковой компетенции, которая лежит в основе поведения, но которая не реализуется в поведении каким-либо прямым или простым образом. И эта система языковой компетенции качественно отличается от всего, что может быть описано в терминах таксономических ме-

тодов структурной лингвистики, с помощью понятий S-R-психологии или понятий, выработанных в рамках математической теории или теории простых автоматов» [7. С. 15].

В «Языке и мышлении» Н. Хомский обращает особое внимание на исследования, ориентированные на определение системы правил, составляющих знание языка и, соответственно, на то, чтобы отыскать те принципы, которые управляют этими системами, определяют законы действия системы (в отличие от дескриптивизма). Подобный метод Н. Хомский называет галилеевским. Отметим, что первое издание «Языка и мышления» в 1972 г. было дополнено тремя статьями «Форма и значение в естественных языках», «Формальная природа языка», «Лингвистика и философия», что не внесло в интерпретацию явления «языковой компетенции» принципиально новых моментов.

Впервые проблема «языковой компетенции» превратилась в предмет дискуссий в середине XIX в., но именно Н. Хомский придал ей век спустя новизну. Ранее Н. Хомский писал о важнейшей проблеме лингвистической науки – отсутствии в ней парадигмы, что сосуществовало с огромным накопленным за века массивом фактического языкового материала. Этот массив нуждался в упорядочивании, и именно эту роль могла бы сыграть парадигма. С позиции Н. Хомского, теория лингвистики ориентирована на идеального говорящего – он слушает язык, его бытие осуществляется в однородной речевой общности, он независим от «грамматически незначимых условий» (этот термин Н. Хомским введен для обозначения обмолвок, оговорок, смены внимания, ограничения памяти, изменения плана в середине высказывания и т.п.). Возможна ли ситуация, в которой употребление является отражением компетенции? Н. Хомский полагает, что характер отличия компетенции (знания языка говорящим-слушающим) и употребления (реального применения языка) фундаментален, лишь в идеале употребление непосредственно отражает компетенцию, в речевой практике употребление не может явиться прямым отражением компетенции. Этим определена исследовательская задача: рассмотрев конкретную ситуацию говорения, определить совокупность правил, используемых в процессах говорения компетентным говорящим – слушающим. Языковая компетенция при этом представлена как целостность процессов порождения. Являясь по сути творческим феноменом, язык обеспечивает бесконечный в своем масштабе массив непредсказуемых ситуаций средствами их выражения; при этом грамматика языка дополняется универсальной грамматикой. В чем же заключен творческий аспект языка? Н. Хомский, не будучи удовлетворен картезианским объяснением, в работе «Язык и проблемы знания» пишет о творческой способности как о языковом механизме, который использует тот, кто говорит на языке: «...языковая способность – физический механизм в смысле, уже объясненном выше, – имеет некоторые определенные свойства и не имеет других. Задача универсальной грамматики как раз и состоит в том, чтобы сформулировать и описать эти свойства. Именно они позволяют человеческому разуму усваивать язык особого типа с порою в высшей степени странными и удивительными чертами» [Там же. С. 236]. И далее: «В случае языка существует особая способность, являющаяся одним из основных элементов человеческого разума. Она действует почти мгновенно, предопределенным способом, бессознательно и вне границ созна-

тельного контроля, причем одинаково у всех представителей данного вида, образуя в результате богатую и сложную систему знаний – конкретный язык» [7. С. 242]. В интерпретации Н. Хомского, порождающая грамматика имеет дело с процессами мышления, находящимися за пределами реального или потенциального осознания; пытается определить, «что говорящий действительно знает, а не то, что он может рассказать о своем знании». И эта установка определяет потенциал порождающей грамматики. Он заключен не в анализе и описании высказываний, но в возможности осуществления логико-математического процесса генерирования всех высказываний языка. Доминирующей идеей при этом является мысль о конечной совокупности правил, способных порождать, генерировать правильные предложения языка. С этой идеей в лингвофилософию вошла «порождающая модель», основанная на разработке принципов реконструкции процессов языкового моделирования, дескриптивизм тем самым оттеснялся с приоритетных позиций. Была трансформирована и схема порождения речи. На смену схеме, представленной цепью «звук – слова – словосочетания – предложения» пришло представление, в котором «непосредственно составляющими» явились синтаксис и фонология, сам же процесс порождения речи в этой схеме имел иную направленность – от синтаксиса к фонологической составляющей. Несомненной заслугой Н. Хомского является то, что он сумел разглядеть присущие языку богатейшие конструктивные возможности, что сосуществует с ограниченным объемом вербальных средств. Для обоснования этого тезиса и введены понятия «языковая компетенция» и «языковое употребление». И в то время, как первое основано на ряде правил, употребляемых говорящим (с помощью этих правил создается огромное количество предложений), второе – реализация первого. И правила языка («лингвистические универсалии» в терминологии Н. Хомского) – это тот интеллектуальный багаж вида, вне которого человек как вид не смог бы существовать.

Порождение речи – процесс, имеющий специфическую направленность (от синтаксиса к фонологии), однако смысл предложения увиден Н. Хомским в семантике (на эту идею и работают труды Н. Хомского, посвященные проблемам генеративной семантики как направления генеративной лингвистики). Н. Хомским введено понятие «ядерных» фраз, как введены для обозначения внутрифразовых синтаксических связей и понятия «глубинная структура» – «поверхностная структура». Н. Хомский увидел в знании языка умение приписать семантическую и фонетическую интерпретацию глубинной структуре, одновременно выделив связанную с глубинной составляющей структуру, получившую название поверхностной. В чем же их различие?

В «Картезианской лингвистике», явившейся антологией лингвофилософской мысли, посвященной исследованию лингвофилософской рационалистической традиции XVII–XVIII и первой трети XIX в., Н. Хомский называет эту традицию незаслуженно забытой и излагает главные особенности подхода к языку, сформировавшиеся в проблемном поле рационализма и Античности.

Подход Н. Хомского к сути глубинной и поверхностной структур основан на представлении о том, что язык имеет две стороны – внутреннюю и внешнюю; последнее дает возможность аналитику увидеть способ, которым предложение выражает мысль (1) и его «физический облик» (2). Это и есть

то, что обеспечивает семантическую или фонетическую интерпретацию. Различие же глубинной и поверхностной структур заключено в том, что глубинная структура – базисная абстрактная структура. Она определяет семантическую интерпретацию предложения, в то время как структура поверхностная – та организация единиц, что связана с физической формой высказывания, его воспринимаемой или производимой формой, с фонетической интерпретацией. На этом, по мнению Н. Хомского, базируется фундаментальный тезис картезианской лингвистики (проявивший себя в «Грамматике» Пор-Рояля и картезианском подходе к языку): «...глубинная и поверхностная структуры не обязательно должны быть тождественными. Базисная организация предложения, важная для его семантической интерпретации, не обязательно непосредственно обнаруживается в реальной расстановке и группировке его конкретных компонентов» [8. С. 73].

Глубинная структура включает систему элементарных предложений, и в ситуации, когда из глубинной системы нужно создать реальное предложение, нужны правила – Н. Хомским они названы грамматическими трансформациями. Глубинная структура (а она выражает значение) едина для всех языков, в этом смысле она – простое отражение формы мысли. Трансформационные правила, посредством которых идет превращение глубинной структуры в поверхностную, различны для различных языков. Н. Хомский особую роль отводит семантическому содержанию предложения, полагая, что именно оно передается глубинной структурой реально произнесенного высказывания. Глубинная структура соотнесена с реальными предложениями, и любое из составляющих эту структуру абстрактных предложений имеет возможность непосредственно реализоваться в форме пропозиционального суждения – эти идеи раскрыты ранее в «Логике» Пор-Рояля. Н. Хомский полагает, что это тот массив идей, который должно учитывать в любой синтаксической теории, где уточняется понятие глубинной структуры и формируются принципы связи глубинной и поверхностной структур, – в любой теории трансформационной порождающей грамматики. Предназначение теории подобного рода – создать правила, помогающие определить вид глубинных структур, определить способ их соотношения с поверхностными структурами, систему правил семантической и фонологической интерпретации глубинных и поверхностных структур. В решении этих задач Н. Хомский видит способ детальной разработки и формализации понятий, которые «лишь частично находят словесное выражение» [Там же. С. 83]. В сознании осуществляющего высказывание всегда присутствует глубинная структура. Н. Хомский пишет: «...мы можем формализовать описанный выше подход посредством описания синтаксиса языка в терминах двух систем правил: базовой системы, порождающей глубинные структуры, и трансформационной системы, отображающей глубинные структуры. Базовая система состоит из правил, порождающих глубинные грамматические отношения между элементами с абстрактным порядком (правила переписывания грамматики непосредственных составляющих); трансформационная система состоит из правил опущения, пермутации, прибавления и т.д.» [Там же. С. 89].

Уже в «Грамматике» и «Логике» Пор-Рояля обнаруживает себя попытка развить теорию глубинной и поверхностной структуры. Н. Хомский развивает этот тезис на примере употребления наречий и глаголов, полагая, что тео-

рия поверхностной и глубинной структур имеет непосредственное отношение к идее творческого характера языкового употребления. Н. Хомский, обращаясь к идеям теории глубинной и поверхностной структур, пишет о том, что сама грамматическая структура предложений языка является продуктом, результатом и следствием трансформации, в основание которой положены правила «глубинной грамматики». Это врожденный механизм. Он конституирует знание языка и механизмы, способы овладения языком.

Идея различения глубинной и поверхностной структур предложения, как и идея правил, посредством использования которых создаются глубинные структуры (правила структуры составляющих – правила переписывания) и правила трансформации, благодаря которым возможно преобразование глубинных структур в поверхностные, содержалась уже в Стандартной теории. Порождающая грамматика в силу анализа правил трансформации на протяжении длительного периода имела название «Трансформационная грамматика». Глубинной структурой предложения являлась часть синтаксического описания, определяющая семантическую интерпретацию, в то время как в качестве поверхностной структуры выступает часть, определяющая фонетическую форму. Интересен вывод Н. Хомского о соответствии нескольких глубинных структур одной поверхностной; возможно и обратное, когда фонетическая форма соответствует разным смыслам. Это различие отражается в глубинных структурах («The police were ordered to stop drinking after midnight»).

Как работает язык? Ответ на этот вопрос уже на стадии Стандартной теории был сформулирован следующим образом: правила грамматики – врожденные, человек использует их на бессознательном уровне. Процесс производства предложения (деривация) связан с созданием глубинной структуры предложения (при этом учитываются правила переписывания и доступный лексикон), формируется поверхностная структура. В процессе восприятия последняя трансформируется в глубинную, чтобы затем быть понятой на уровне смысла. При этом правила – это синтаксические правила. Что касается Расширенной стандартной теории, применительно к ней речь идет о правилах семантической интерпретации и лексических правилах, отсюда и название Расширенной стандартной теории – «интерпретивизм», «лексикализм» (подробный анализ этапов теории Н. Хомского дан в [4, 9]).

Обратим внимание еще на один категориальный конструкт, играющий важнейшую роль в интерпретации парадигмы теории порождающей грамматики Н. Хомского – речь идет о понятии «рекурсия».

Что представляет собой рекурсия и какая роль в порождающей грамматике ей отведена? В основании модели генеративной грамматики Н. Хомского лежит ряд универсалий. Одной из универсалий является способность языка к рекурсии. В лингвистике рекурсией называют способность языка порождать вложенные предложения и конструкции. Если описывать рекурсию математически, то ее можно представить как алгоритм, построенный на основе функции, которая обращается сама к себе. В качестве примера рекурсии можно представить конструкцию из существительных с ее последующей трансформацией (пример: друг брата → жена друга брата → сестра жены друга брата и т.д.). Н. Хомский, обратившись к теории глубинной и поверхностной структур, содержащейся уже в лингвистических построениях Пор-

Рояля, увидел в них рекурсивные механизмы и полагал эти механизмы врожденной способностью человека. Позднее, в совместной статье с М. Хаузером и В. Фитчем, Н. Хомский пишет о «вычислительном механизме рекурсии» как об уникальном для нашего вида; при этом рекурсивная синтаксическая структура, отражающая соответствующую структуру мысли, является специфичной для человеческого языка [10. Р. 1573]. Эти рекурсивные механизмы позволяли обеспечивать процесс бесконечного использования тех средств, что сами по себе конечны, средств, которые описывались этой теорией. Такой, делает вывод автор теории порождающей грамматики, и должна быть теория языка, претендующая на статус адекватной. «Как в случаях тривиальных (например, при конъюнкции, дизъюнкции и т.п.), так и в более интересных случаях, обсуждаемых в связи с относительными придаточными и инфинитивами, единственный способ расширения глубинной структуры заключается в добавлении полных предложений с базовой субъектно-предикатной структурой. Трансформационные правила опущения, пермутации и т.д. не играют никакой роли в создании новых структур. Разумеется, остается открытым вопрос, в какой степени грамматисты Пор-Рояля осознавали данные свойства собственной теории, находились ли они в центре их интересов» [11. С. 89].

Сложнейшим вопросом, ответ на который долгое время ищет наука о языке, является вопрос о том, как может быть объяснима способность человека создавать и интерпретировать бесконечный по своему объему массив грамматически верных высказываний (и смыслов), используя конечное, ограниченное множество высказываний, ранее встречаемых. Генеративисты в попытке ответить на этот вопрос исходят из предположения о рекурсивных механизмах, о том, что высказывание создается именно посредством использования применительно к уже известным выражениям конечного числа врожденных правил, это закодированные в мозгу правила, их реализация – функция мозга. И задача порождающей грамматики заключена в том, чтобы представить формальное описание этих правил (принципов), отсюда и то, что ее рассматривают как разновидность формальной лингвистики. «Хомский, – пишет, рассматривая проблемы порождения смысла в современном генеративизме А.Е. Сериков, – не связывая эволюцию языка с функцией передачи информации, исходит из существования врожденной человеческой способности к рекурсии (в частности, к синтаксису и операциям с числами), но выносит за ее пределы знание лексикона и собственно мышление. Поэтому как минимум часть языковых явлений объясняется социально-культурными факторами и передачей опыта от одних людей к другим. Такое утверждение не будет противоречить ни одной из существующих лингвистических теорий» [9. С. 158].

Сами же высказывания формируются в языке посредством рекурсивного использования конечного массива правил. Они имеют характер врожденных, а использование этого конечного числа правил обеспечено функциональными особенностями мозга.

Литература

1. Хомский Н. Синтаксические структуры = Syntactic Structures // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2. С. 412–527. URL: <http://codenlp.ru/books/ssh.pdf> (дата обращения: 13.05.18).

2. Хомский Н. Язык и мышление. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. 121 с.
3. Chomsky N. Language and Problems of Knowledge. The Managua Lectures. New York : The MIT Press, 1988. 205 p.
4. Харитончик З.А. Хомскианская революция: обещания и результаты // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 5–11.
5. Chomsky N. Essays on Form and Interpretation. New York : North-Holland, 1977. P. VI+216.
6. Рикёр П. Конфликт интерпретаций : Очерки о герменевтике. М. : Академический проект, 2008. 695 с.
7. Хомский Н. Язык и мышление. Язык и проблемы знания. Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1999. 254 с.
8. Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М., 2005. 228 с.
9. Сериков А.Е. Проблема порождения смысла и современный генеративизм // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2007. № 2. С. 155–173.
10. Hauser M.D., Chomsky N., Fitch W.T. The Faculty of Language: What is it, who has it, and how did it evolve? // Science. 2002. Vol. 298, № 5598. P. 1569–1579.
11. Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. 2-е изд., испр. и доп. М. : Едиториал УРСС, 2002. 480 с.

Mikhail A. Kornienko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: snoose@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 43. pp. 88–100.

DOI: 10.17223/1998863X/43/8

THE LINGUISTIC PHILOSOPHY OF NOAM CHOMSKY: FROM THE CARTESIAN TRADITION TO GENERATIVE GRAMMAR

Keywords: theory of generative grammar; dynamic rule of generation; language competence; deep structure; surface structure; recursion; innatism.

The article reveals the contribution of Noam Chomsky's theory of generative grammar to the linguistic and philosophical knowledge of the twentieth century. It is shown that the revolutionary nature of Chomsky's contribution lies in the new formulation of problems and in the use of the potential of the formalisation method in solving these problems. The author proves that the model of language proposed by Chomsky allowed transforming the basis of traditionalist structural linguistics. Conceptually significant in the article is a phenomenon Paul Ricoeur described as a "dynamic rule of generation": the dynamic concept of structuring activity comes to replace the "structured inventory" (Ricoeur's term). This allowed Ricoeur to call Chomsky's concept the concept of structure as an ordered dynamism. The stages of the formation of the generative grammar theory are indicated. It is also shown that this evolution reflects the specific features of this theory formed at the beginning of the 21st century. The postulate that the theory of morphological systems (forms of discourse) of Gustave Guillaume should be considered a variety of generative grammar is accepted in the article as the original one. Guillaume showed how a phrase is formed from words in the discourse activity; how the form of discourse, placing a word in the context of the phrase, completes the word; how the inclusion of a word in the context of the phrase creates an opportunity for words and discourses to be correlated with the world; finally, how signs "turn towards the universe" through the categories of discourse. Finally, the conceptualisation of the idea of innatism required such categories as language competence and use, deep structure, surface structure, recursion. Language has a rich constructive capacity which coexists with a limited number of verbal means. The author believes that the concepts "language competence" and "language use" are introduced to substantiate this thesis. The notions of "deep structure" and "surface structure" were introduced to denote syntactic links of the internal phase. Deep structure includes a system of elementary sentences. The grammatical structure of sentences is a product of transformation, based on the rules of deep grammar. It is an innate mechanism. It constitutes the knowledge of the language and the mechanisms of mastering the language. The ability of recursion (the ability to create nested sentences and constructs) is specific to the human language. Generativists explain the ability of a person to create and interpret an infinite number of grammatically correct utterances using a limited set of utterances previously found by the presence of recursive mechanisms: an utterance is created by applying a finite number of innate rules to the already known expressions. Generative grammar gives a formal description of these rules, and this allows us to consider it as a form of formal linguistics.

References

1. Chomsky, N. (1962) Sintaksicheskiye struktury [Syntactic Structures]. In: Zvegintsev, V.A. (ed.) *Novoye v lingvistike* [New in Linguistics]. Issue 2. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literature. pp. 412–527. [Online] Available from: <http://codenlp.ru/books/ssh.pdf>. (Accessed: 13th May 18).
2. Chomsky, N. (1972) *Yazyk i myshleniye* [Language and Mind]. Translated from English by B.Yu.Gorodetsky. Moscow: Moscow State University.
3. Chomsky, N. (1988) *Language and Problems of Knowledge*. The Managua Lectures. New York: The MIT Press.
4. Kharitonchik, Z.A. (2017) Chomskian revolution: promises and results. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 1. pp. 5–11. (In Russian).
5. Chomsky, N. (1977) *Essays on Form and Interpretation*. New York: North-Holland.
6. Ricœur, P. (2008) *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germeneytike* [Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics]. Translated from French by I. Vdovin. Moscow: Akademicheskii proyekt.
7. Chomsky, N. (1999) *Yazyk i myshleniye. Yazyk i problemy znaniya* [Language and Mind. Language and Problems of Knowledge]. Translated from English by I. Kobozeva, B. Gorodetsky, N. Isakadze, A. Arefyev. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene.
8. Chomsky, N. (2005) *Kartezianskaya lingvistika. Glava iz istorii ratsionalisticheskoy mysli* [Cartesian Linguistics a Chapter in the History of Rationalist Thought]. Moscow: Librokom.
9. Serikov, A.E. (2007) Problema porozhdeniya smysla i sovremennyy generativizm [The problem of generation of meaning and modern generativism]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya "Filosofiya. Filologiya"*. 2. pp. 155–173.
10. Hauser, M.D., Chomsky, N. & Fitch, W.T. (2002) The Faculty of Language: What is it, who has it, and how did it evolve? *Science*. 298(5598). pp. 1569–1579. DOI: 10.1126/science.298.5598.1569
11. Kibrik, A.A., Kobozeva, I.M. & Sekerina, I.A. (eds) (2002) *Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: Fundamental'nyye napravleniya* [Modern American Linguistics: Fundamental Directions]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS.